

Бекбалаева Ж.А.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ СИТУАЦИИ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

Общеизвестно, что восприятие и построение высказывания в речи в значительной мере зависит от экстралингвистических факторов. Вследствие этого, говорящий всегда осуществляет выбор вербальных средств и форму высказывания, соотнося их с параметрами контекста. Из того, какой выбор осуществляет или осуществил говорящий, получатель речи делает свои заключения о мотивах выбора говорящего и в соответствии с этой задачей «извлекает» из высказывания соответствующий смысл, адекватный коммуникативному замыслу говорящего. Следовательно, носители языка обладают языковыми знаниями двух видов: умением строить высказывание (*языковая компетенция*) и умением употреблять их для достижения нужного коммуникативного эффекта (*коммуникативная компетенция*).

Традиционно изучением указанного аспекта речевой деятельности говорящего на основе текстовых и контекстных параметров занимается стилистика речи, или *лингвопоэтика*. Стилистика изучает индивидуальное использование языковых средств в тексте или в контексте речи с точки зрения их воздействия на получателя, в плане их целесообразности для достижения определенного коммуникативного эффекта.

Близким к названному аспекту изучения языка является так называемое прагматическое направление в лингвистике, выделившееся в *прагматическую лингвистику* в 50-е гг. XX в. Прагматика представляет собой раздел семиотики, изучающий отношение знаков к их интерпретаторам, т.е. к тем, кто пользуется знаковыми системами [1, 388]. В отвлечении от пользователей – говорящего и адресата – это означает также, что прагматика изучает "поведение" и взаимодействие знаковых единиц в условиях коммуникации, включающих время, место речи и характер отношений между участниками процесса говорения-понимания. Центральной единицей прагматического изучения является высказывание в условиях коммуникации, т.е. речевые акты. Для правильной интерпретации этих актов требуются «ключи». Такими ключами могут служить то, *что* произносит говорящий, а также то, *как* он это произносит, и *где*.

С прагматической точки зрения, т.е. с точки зрения условий коммуникации, обнаружилось, что реальный смысл высказывания практически неотделим от коммуникативной ситуации. Например, в следующем диалоге:

Леди Чилтерн: - Роберт не способен на опрометчивый поступок.

Лорд Горинг: - Всякий способен на опрометчивый поступок.

(О.Уайльд)

смысл второй реплики воспринимается не как сообщение о «всяком» человеке, "способном на опрометчивый поступок", а как возражение, т.е. как коммуникативная реакция несогласия на утверждение. Иначе говоря, с прагматических позиций выяснилось, что смысловая интерпретация высказывания в речевом общении ситуативно обусловлена типовым соотношением реплики-стимула и реакции. Таким образом, «ситуация речевого общения» – одна из важнейших категорий в прагматическом подходе.

В процессе речевого взаимодействия ситуация речевого общения и контекст становятся определяющими. Так, например, высказывание "Я уйду не позже семи часов" слушающему важно правильно интерпретировать либо как обещание, либо как предупреждение, либо как угрозу или предсказание, т.е. как речевое действие определенного рода, который служит средством и формой регулирования межличностных отношений. Следовательно, одно и то же предложение как знак может обладать разным коммуникативным потенциалом воздействия. И это зависит от двух прагматических факторов: от условий коммуникации и коммуникативного намерения говорящего.

Одно и то же словесное выражение, соотносительное с различным коммуникативным намерением (интенцией) говорящего может служить лингвистическим средством реализации разных речевых актов. В таких случаях принято говорить, что речевые акты отличаются друг от друга *иллокутивной целью*. [2].

Как объясняет Дж.Серль, в речи существует множество необходимых и достаточных условий, из которых выводятся правила употребления и, соответственно, интерпретации одного и того же выражения, и эти правила "маркируют" его как определенное речевое действие или как иллокутивный акт. Таким образом, по Дж.Серлю, задача семантического описания языка сводится к описанию правил вывода, вытекающих из речевых условий функционирования высказывания. Эти правила характеризуют функционально-прагматический аспект высказывания в речевом акте.

Среди коммуникативно-прагматических признаков высказывания, отличающих речевые акты друг от друга, обычно, вслед за Дж.Серлем, называют:

- иллокутивную цель (например, приказания и жалобы отличаются по этому признаку);

- направление соответствия между словами и миром (этим отличаются утверждения от обещаний, поскольку обещаемое в момент акта речи не существует), то же самое различие отмечается и в отношении клятв, требований, приказаний, отличительным признаком можно назвать отношение к интересам говорящего и адресата (по этому признаку

различаются поздравления и выражения сочувствия, обещание и угроза и др.); и пр.

Помимо иллокутивной цели (смысла), в качестве семантико-прагматического признака может выступать *иллокутивная сила* высказывания. Некоторые иллокутивные речевые акты, имея общую иллокутивную цель, различаются, иллокутивной силой, т.е. своим предназначением. "Например, иллокутивная цель просьб - та же, что и у приказаний: побудить слушающего нечто сделать; но иллокутивная сила - это явно нечто другое" [3]. Иллокутивная сила (или "иллокутивное предназначение") - это речевое намерение будущего высказывания, выраженное определенным способом в языковой структуре предложения. Это речевое намерение, соотносимое с определенными средствами выражения (как функция и средство) [4, 9]. Таким образом, речевое намерение (иллокутивная сила высказывания) связывается с особенностями структуры внеконтекстного предложения: речевое намерение - это прагматический компонент в семантике предложения, который определяет место этого предложения в составе других средств выражения данного речевого намерения в определенном типе речевого акта.

Описывая различные речевые акты, исследователи прежде всего пытаются установить собственно языковую презентацию этих речевых актов и их мыслительный коррелят, т.е. соотносить языковую единицу с ее семантикой и употреблением. Отчасти это и находит выражение в соотношении терминов: речевое/иллокутивное намерение - иллокутивная цель - речевой акт (высказывание). Речевое намерение соотносится с речевым актом (высказыванием) как понятийная, ментальная категория с языковым выражением (которое является лингвистической реальностью в условиях социального взаимодействия/коммуникации). Иллокутивная цель и речевой акт соотносительны как функция и средство. Например, если иллокутивное намерение речевого акта похвалы заключается в семантике одобрения, положительной эмоциональной оценки какого-либо предмета, вещи ("*Какой у вас красивый пояс!*"), то целью этого речевого акта может быть косвенная просьба о подарке. В таком случае речевой акт похвалы служит средством выражения социальной функции - функции межличностного действия, ограниченного некоторыми социальными условиями. Также например, оценочные высказывания похвалы в адрес невестки в сфере бытового общения казахов "*Очень вкусный чай*", "*Чай у невестки густой*", "*Горячий чай*" и пр. - имеют целью подбодрить, поддержать молодую хозяйку, выразить с ней солидарность в ритуале "приобретения невестки (келин) к семейным обязанностям" [4].

В связи с таким пониманием речевого акта, его значения и функций важно уточнить, что цель речевого акта очень тесно связана с "этнокультурным" способом восприятия ситуации,

вызывающей ответную реакцию на данный речевой акт. Разные социальные и национальные характеристики коммуникантов по-разному влияют на интерпретацию речевого акта, т.е. служат определенными ограничителями. А эмоциональное отношение личности, без всяких сомнений, формируется в социуме и регламентируется общенациональными нормами поведения. Таким образом, социальная характеристика коммуникантов в речевом акте представляет существенный прагматический параметр для описания функций этикетных формул. Лингвистическое содержание подобных стереотипов в большой степени должно опираться на конститутивные параметры, детерминирующие как содержание, так и функционирование речевых формул в роли речевых актов - экспрессивов.

Однако в литературе мы встречаемся и с другим мнением. Так, рассуждая о прагматических признаках речевого акта, А.Вежбицкая утверждает, что они представлены в глубинной семантике высказываний и могут быть презентированы (эксплицированы) при помощи перформативных глаголов, оформляя модусное содержание высказывания. По ее мнению, различные речевые акты, типа сообщения, просьбы, совета, обещания, предостережения и др. "по определению включают различные намерения предположения" и классифицируются в зависимости от двух факторов: "что было сказано и считаем ли мы, что намерения, или предположения, выражаемые словами или интонацией того, что говорится, действительно могут быть приписаны говорящему" [5].

Таким образом, в трактовке А.Вежбицкой прагматические признаки всегда представлены - внеконтекстно - в глубинной структуре высказываний, являясь субъективными компонентами этой структуры, и могут быть эксплицированы перформативными глаголами (либо интонационно), которые выступают коррелятами иллокутивной силы (коммуникативного намерения) высказывания.

Формулы этикетного поведения не составляют какой-либо «конкретной семантической категории». Но, как считает А.Вежбицкая, такие выражения, и в частности, речевые акты приветствия хотя очень условны и пропозиционально пусты, тем не менее тоже обладают своим содержанием.

Что касается условия «искренности» при осуществлении речевых актов приветствия, то, как семантический компонент, вытекающий из общекommunikативных постулатов общения, «искренность» является чуть ли не единственным семантически значимым компонентом всех высказываний-экспрессивов. Данный факт ставит их в исключительную зависимость от речевой ситуации, что, в конечном счете, приводит их к десемантизации, к семантической немотивированности [6, 16].

Для нас представляется очевидным, что, лингвистическая осмысленность этикетных формул, семантизация клишированных выражений приветст-

вия, прощания, извинений и пр. достигается, главным, образом, благодаря конвенциональности самих коммуникативных условий их использования. Знание этих конвенциональных условий употребления стереотипов приводит к успеху в общении. Для участников подобных речевых ситуаций, регламентирующих межличностные отношения, релевантной становится интерпретация разных сценариев ситуации, которые подсказывают выбор того или иного стереотипа из набора возможных высказываний. Этими нестандартными комбинациями в условиях определенного социального контекста диктуются правила интерпретации диалогов. В случае нестандартных комбинаций требуется привлечение общих механизмов вывода (что в прагматике связывается с понятием «импликатур дискурса»). Так, к стандартным комбинациям относятся соотношения:

- 1) Справочный вопрос - Информативный ответ.
 - Сколько сейчас времени?
 - 3.25.
- 2) Вопрос – просьба – ответ – действие
 - Вы не могли бы передать соль?
 - (соль передается)
- 3) Любезный вопрос – Любезный ответ
 - Как вы себя чувствуете?
 - Хорошо, спасибо.
- 4) Стратегический вопрос – стратегический ответ
 - Кто тебе сказал, что ты можешь войти сюда?
 - А кто сказал, что не могу?

Однако когда в процессе диалога возникает нарушение «стандартных комбинаций», то начинает работать «скрытый» речемыслительный механизм, оценивающий социальный статус участников речевой ситуации. Например, если за нестратегическим вопросом следует стратегический ответ:

- Не могли бы вы передать соль?
- Только если вы скажете «пожалуйста» –

В таком диалоге актуализируется знание «социальной динамики»: т.е. если отвечающий имеет более низкий статус, то диалог следует воспринимать как вызов; если оба участника речи имеют одинаковый статус, то диалог интерпретируется как шутка; если отвечающий имеет более высокий социальный статус, то обмен репликами следует

интерпретировать как демонстрацию власти, показ силы и превосходства над остальными участниками коммуникации [7].

Другими словами, прагматические признаки высказывания могут скрываться в социальном контексте речевой ситуации. Но именно они маркируют тип речевого акта.

Среди коммуникативно-прагматических факторов, формирующих ситуацию речевого общения и выявляющих коммуникативную компетенцию участников речевого общения можно выделить *речевую интенцию говорящего* (цель речевого акта), *способ осуществления коммуникации* (вербальный или невербальный), *отношение говорящего к собственному речевому акту*, *интерпретацию речи и интенции говорящего слушателем*. Языковая презентация ситуации речевого общения зависит не просто от экстралингвистических обстоятельств, но и от специфики языка. В каждом языке существует своя система норм, которая применяется в различных ситуациях речевого общения, отсюда дифференциация в использовании данных норм и несовпадение в их применении в однотипных ситуациях речи.

Литература:

1. Стросон П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып.17 – С.149-150.
2. Серль Дж.Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып.17. – С.152-155.
3. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып.17. – С.172-173.
4. Жуламанова И.Г. Коммуникативно-семантические группы в разноструктурных языках: АКД. – Алматы, 1999. – 21 с.
5. Вежбицка А.. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. Вып.16.- С.255.
6. Арутюнова Н.Д. Речевой акт // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 412 – 413.
7. Ленерт У. Проблемы вопросно-ответного диалога // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып.32. – С.264.